

ЕГОР БОРИСОВИЧ СУРИКОВ

Е. Б. Суриков — в год записи публикуемых былин — 63-летний старик из д. Конда Сенногубского сельсовета Заонежского района, семейный, малограмотный. В начале 1932 г., когда производилась запись, кроме основного своего занятия — земледелия, работал как печник. В течение всей своей жизни бывал лишь в ближайших городах: Петрозаводске, Повенце. Военной службы не отбывал. По характеру своему это был замкнутый, молчаливый человек.

Е. Б. Суриков — наследник былинного знания матери своей Домны Васильевны Суриковой, от которой, тогда еще 40-летней женщины, в 1871 г. Гильфердингом были записаны 4 былины и 2 старшие исторические песни (Онежские былины, 138—143). По словам Егора Борисовича, сама она научилась былинам у своей матери. Гильфердинг же в числе ее учителей называет известного певца Конона из Зяблых Нив, которого во времена Рыбникова и Гильфердинга уже не было в живых.

В своей автобиографии, сообщенной собирателям (Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVI), Егор Борисович дает некоторые сведения о матери, дополняющие краткую заметку о ней Гильфердинга. Домна Сурикова была неграмотна. Оставшись после смерти мужа в крайней бедности с двумя малолетними сыновьями, Антоном и Егором, она выносила на своих плечах всю тяжесть крестьянской работы. Дед ходил по миру.

От Домны Васильевны переняли былины оба ее сына. От старшего, Антона Борисовича, в 1926 г. экспедицией Государственной академии художественных наук (ГАХН) было записано 13 былин и 6 духовных стихов и С. И. Бернштейном, участником экспедиции Государственного института истории искусств (ГИИИ), 7 текстов записано на фонограф. (Хранятся в Фонограмм-архиве Сект. фолькл. ИРЛИ, №№ 725—735, 738, 745).

9

По описанию односельчан, Антон Суриков был крепкий старик, большого роста, «прямо громадный». Ходил по деревне с посохом. «Много былин знал и очень веселый был. Все его любили. С молодежью пел. Как только соберутся, сейчас же он веселить придет». (Из воспоминаний племянника, Якова Егоровича Сурикова, 17 л., записанных Н. Котляровой 19 августа 1931 г.; Рукоп. хранил. Сект. фолькл. ИРЛИ, колл. XXVI).

В том же 1926 г. впервые были произведены записи 4 былин и от Егора Борисовича Сурикова — экспедицией ГАХН (см.: Сок.-Чич., стр. 571—588). Тексты Егора Сурикова донесли наследие матери в лучшей сохранности, чем тексты его брата, Антона Борисовича (см. там же, стр. 571). Односельчане Егора Борисовича в 1931 г. тоже подчеркивали хорошее знание им былин: «Антон Суриков был знаменит, так это потому, что тем, кто записывал, первый на речке попался, а ведь Егор все то же так же знает, а скромн был». Однако, если по своему качеству былины Егора Борисовича выше текстов его брата, то по количеству известных ему сюжетов он уступает брату. В памяти Егора Сурикова сохранилось всего 4 былины. Публикуемые тексты являются записями этих былин, произведенными в 1931—1932 г.

Былины Егор Борисович любил, называл их и «былинами» и «стўринами». Отзывался о них так: «Наверно быль. Песня — быль, а сказка — ложь». Пел их лишь в домашнем кругу за работой: «В деревне я не пою, когда и заставляют, не нахожу нужным». Слышал, но сам не исполнял, еще былины про Ставра, Илью Муромца, Кострюка, Дуная и Чурилу.

Других видов народного творчества не знал. О сказках отзывался пренебрежительно: «Детское это».

Егор Борисович Суриков принадлежит к типу сказителей, усваивающих от своих учителей не только основную сюжетную схему и запас поэтических формул, а всю словесную композицию в целом. Обе былины на те же сюжеты, которые были записаны от Домны Васильевны («Василий Буслаевич» и «Про царя Калина и князя Владимира»), чрезвычайно близки к текстам матери, в значительной части своей повторяя их почти дословно (см. примечания к обеим былинам). Немногие отклонения обнаруживают некоторую тенденцию к усилению бытовых и психологических черт и к сокращению чисто изобразительных. Эти особенности заметны и в былине «Добрыня Никитич», она сравнительно бедна описательными элементами, которые как раз в былинах на данный сюжет играют большую роль. В то же время в ней выделены основные психологические моменты.

ПРО ЦАРЯ КАЛИНА И КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА

- Мхи были болота от Белá озерá,
Реки–ты озёра ко Смоленському,
Матушка Казань подошла под Вострахань,
Она усьём–то пала в Цёрно морё,
5 Ай во тое ли во морюшко во Цёрное.
Справляетце–сподобляетце царь Кáлина
Он ко стольнему ко городу ко Кеёву,
Он к ласкову князю Владимиру,
Царя со царицей во полон обрать.
- 10 А душечку царевну во замужесво.
Сберал свою силушку по три годí,
Только силы, что и сметы нет.
Приказал своей силы великойей
В одно место бросить по камешку,
- 15 Тут стала гора превеличайшая.
Выберал своей силы великойей
Самых лучших он татаровьев:
«Вы подите–ко, послы царя Кáлины,
Подите к стольному городу ко Кееву,
- 20 Ко ласкову князю Владимиру.
И у дверей вы не спросите предверницков,
У ворот вы не спросите преворотницков,
- Отворяйте вы двери на́ пятау,
И положите камверты на золочен стол,
- 25 И пословесно ему й выговаривайте:
«Солнышко князь стольно–кеевской!
Уличи ты опахивай, дворы ты очищивай
И жди–ка царя, царя Кáлину».
Тут Владимир стольнё–кеевской
- 30 По терему он побегеваёт,
Куньей шубой окрываетца:
«Охти мне, робята, на бяду попал,
Охти мне, робята, на великую!».

- Завадил Владимир почестей пир
35 На всех на князей на бóяров,
На всех руських могущих богáтырей.
Красно солнышко на вечере,
Почесен пир ни на вéсли.
Говорит Владимир стольно–кеевский:
40 «Ай же вы, князья, князья–бóяра,
Все вы русския могучия богáтыри!
Пособите–ка мне–ка думу думати:
Не отдать бы нам стольно града Кеева
И меня, ласкового князя Владимира,
45 Што ли татаровам поганым».
З–за тово стола з–за дубового,
З–за тово пиру з–за почесново
Выходит Алёшенька Попов–то сын,
Говорит–то он таковó словó:
50 «Ай же, солнышко князь стольно–кеевской!
Не даим стольного града Кеева,
Тебя ласкового князя Владимира
Без войска, без рати без великой».
Он седлал да уздал добрá коня,
55 И на коня он клал войлучки,
На войлучки седёлышко черкасское.
Привязовал шолкамы шумаханскома,
Не ради красы–босы–угожества,

12

- А ради укрепы богатырскойей.
60 И только видели добра молодца сядуци,
Не видели в чистó полё поедуци,
Одна курева стоит да во чистóм поле.
Приезжает дáлече–далнче во чистó поле,
Ко тому к камению ко Латырю,
65 К тому кресту Левонидову,
Раздёрнул он бел шатёр
И привязал коня к белú шатру,
Насыпал пшены да белояроей,
Поставил он одно дéревцо,

- 70 Одно дѣревцо поставил десяти сажен.
И на дѣревцо клал он кистоцку,
Кистоцку клал золоцѣную,
Не ради красы ради угожества,
А ради приметки богатырскойей.
- 75 Тут з–за стола з–за дубовово,
З–за пиру да з–за почѣсново
Выходит Добрынюшка Микитенец.
Говорит он токовó словó:
«Ай же, солношко князь стольно–кеевской!
- 80 Не даим стольно града Кеева,
Тебя ласкового князя Владимера
Мы без войска, без драки великойей».
Седлал он уздал он добра коні,
На коня он клал тут войлуцки,
- 85 А на войлуцки клал тут пóтуги,
А на пóтуги сидѣлышко церкаское,
Привязывал шелкамы муханскимма,
Не ради красы–босы–угожества,
А ради укрепы богатырския.
- 90 Видли добра молодца сядуци,
А не видели в чистó полé поедуци,
Одна курева стоит от его от копыт от лошадиных.
Приехал дáлече–далéче во чистó полé,
- Ко тому ко каменю ко Латырю,
- 95 Ко тому кресту Левонидову.
Раздѣрнул он бел шатѣр,
Привязал коня к белú шатру,
Насыпал пшены белояровой,
И поставил он 'дно дѣревцо,
- 100 Одно дѣревцо поставил двадцати сажен.
И клал он туды кистоцки,
Кистоцки клал золочѣные,
Не ради красы–босы–угожества,
А ради признацки богатырскойей.
- 105 Тут з–за того з–за стола з–за дубовового,

- Со тово со перу с почёсного
Выходит старый козак Илья Муромец,
Говорит он таково слово:
«Ай же ты, солнышко князь стольно–кеевской!
- 110 Поидем в дáлече–далечé во чистó полё,
Возьми меня да во защитницки,
Времени упросим на два месяца,
Штобы когдú былó бы нам когды улицы
опахивать,
Дворы–то бы очищивать,
- 115 Котлы бы навешивать,
Ждать царя, царя Кáлина».
Тут собирались двенадцать богáтырев
У того у камня у Латыря,
У того креста Леванидова.
- 120 Играли в шашки–шахматы заморския,
Тут оны и послали Алёшеньку Попова сына
Посмотреть во чистó поли.
Приходит Олёшенька Попов тот сын
И тут он говорит, что там поскакиват
- 125 Удамый добрый молодец во чистóм поли,
Добрынюшка Микитен сын.
Уж тут скачили вси двенадцать богáтырей
И победили царя, царя Кáлина.

ПРО ДОБРЫНЮ МИКИТИЧА

- Не белая берёза к зёмле клонится,
Поклоняется Добрынюшка Мякитин сын,
Он своёй родимой матушки:
«Ай же ты, родимая матушка,
5 Ты зачим меня несчастного спорóдила?
Как ты меня несчастного спорбóдила,
Завернула бы в рукавчик в полотняный бы,
Выслала бы на матушку Сивонь–горú,
Бросила бы меня бы во синё морё,
10 Цем мни ездить нонь
По двум, по трём, четырём по сторонущкам
И убивать–то мни бесповиннаих головушик.
Распрогневался на меня князь да стольне–кеевский
Посылает меня в земли во татарские
15 Сбирать–то он дани–пошлины,
Дани–пошлины собирать за двенадцать лет.
А хто там побывау, мало жив приезжау.
Ты прощай–ка, матушка родимая,
И ты прощай, жана, семья любимая,
20 Шесть годóв ты меня пождёшь
И не можь дождать — хоть вдовой живи,
А хоть замúж поди,
Поди замúж за князей хоть за бóяров,
Не ходи только за Олёшу за Поповича,
25 За тоho за бабьяho насмешника».
Только видли дóбра молодца тут сядуця,
А не видели в чистó полё поедуци,
Только курево стоит от копыт от лошадинаих.
Времяна идут, быдто реки тякут,
30 Апосля Добрынюшки Микитыча
Только времени прошло ровно шесть годóв,
Не видать Добрыни из чистá полі.
Со тоho со полюшка со цистоho
Бяжит лошадушка ступістая

- 35 Ко тому ко терему сиротскому.
Приезжает к крыльцю да ко перёному,
Привязау коня к кольцю да к золочёному,
Приходит удалой добрый молодец в высок терём.
Крест кладёт по писаному,
- 40 Он поклоны ведёт по уцёному:
«Здрастуйтея, Добрынина ты матушка,
[З]драстуйтея, Добрынина молода жана.
Я привёз вам весточку нерадосну,
Я видеу Добрынюшку убитою.
- 45 Лежит Добрыня во чистом полі,
Головущкой лежит в ракитов куст,
А резвыми ногами во чистое полё,
Головка у Добрыни поразломана».
Тут заплакала Добрынина—та матушка,
- 50 И заплакала Добрынина молода жана.
Родна матушка плачет до гробных досок,
Молодая жонка день до вецера,
С день до вецера, а слухать нецею,
Тёмна ночь пришла — и танцевать пошла.
- 55 Нацау тут Олешенька похаживать,
Настасью—то Микуличну посватывать;
Положила тут она завет друга на шесть лет,
Подождать Добрыню из чиста полі.
Времена идут, быдто реки текут,
- 60 И друго прошло шесть годов,
Не видать Добрыни из чиста полі.
Нацау Олешенька похаживать,
Настасью—то Микуличну подговаривать,
И завели свадебку.
- 65 Тут Добрынина—то матушка
Села под косивчесто окошечко
И заклкала унылым, старым голосом:
«Закатилось тепло красно моё солнышко,
И не пекёт—то больше цветён месяц».
- 70 Со тою со полюшка со цистою
Бяжит лошадушка ступистая

- Ко тому ко теряму ко цистому,
Ко тому крыльцу да к перёному.
Привязывау коня к кольцу золочёному,
75 Проходил он да на высок терём.
Крест кладёт по писаному,
Поклоны ведёт по уцёному:
«[3]драсвуйтя, Добрынина–та матушка,
Я привёз вам весточку всерадосну —
80 Скоро будет вам Добрыня из чиста полі».
Говорит Добрыне эта матушка:
«Ай же ты, удалой добрый молодец,
Не смейся над старой над Добрыниной–та матушкой.
Тому времени прошло ровно шесть годов,
85 Как полуцили весточку нерадосну,
Видли там Добрынюшку убитому».
Говорит удалый добрый молодец:
«Ай же ты, Добрынина ты матушка,
Гди же Добрынина молода жана?».
90 — «Добрынина молода жана
Сегодня замуж ушла,
Сегодня у них и пир и свадебка,
За тоho за Олёшу за Поповица».
— «Ай же ты, Добрынина ты матушка,
95 Ты подай–ка мне Добрынины гусёлышки яровчатые».
Говорит Добрынина–та матушка:
«Ай жа ты, удалой добрый молодец,
Там к дверям–то кладены придверюшки,
А к воротам приворотнички,
100 Не посадят тебя во высок тернм».
Пришоу удалый добрый молодец,
Дал приворотницкам по зóлотой по денежке,
И припустили на высок тернм
(Вот, перед золотом–то всё расступится).
Сел он на пецку на кирпичную,
105 Нацау он в гусёлышко поигрывать,
В гусёлка–то играет он, поигрывает,

- А припевки припевая от Йиросóлима.
По припевацкам Настасья–то заметила,
Наливала–то стакан да зеленá вина:
- 110 «На–ка выпей, удалый добрый мóлодец,
От меня да зеленá вина,
За твою игру да за весёлую
И за твои припевки».
- И выпивал стакан да зеленá вина,
- 115 Наливал–то ей стакан да мёду сладкого:
«На–ко пей от меня стакан да мёду сладкого,
И пей до дна, то увидишь добра,
А не выпьешь до дна, да и не видать добра».
- Тут выпивала стакан да мёду сладкого,
- 120 Ко устам ей перстень прикатается,
Перстень быу ёй да обруцальный,
Говорит она да таковы слова:
«Ай жа ты, Добрынюшка Мякитин сын,
Мы псовки — жоны мужния:
- 125 Муж в лес по дрова,
А жана и замúж пошла.
Возьми–ка меня жонку за желты кудры,
А бей–ка меня жонку по нáгузку».
- Как скоциу Добрынюшка Мякитин сын,
- 130 Со той со пецки со кирпичной,
Хватау Олёшу за желты кудры
З–за то́но, з–за стола з–за дубово́но
И начау он по терему поваживать,
А гусёлками по спине ли охаживать.
- 135 Взяу Настасью Микулицну,
Пошла в свой–ка высóк терем.

ПРО ВАСИЛИЯ БУСЛАЕВА

Аще жил Буслав да девяносто лет,
Хоть бы жил Буслав и да целу тысяцю,

18

Живуци Буслав да он не старилса,
Ай на дóстали Буслав да й переставилса,
5 С Новым–градóм и да не перéчелсэ,
С каменнóй Москвой да спору не было.
Ай оставалось у него да й цядо милое
Молодой Василиюшко Буславиевиц.
Уж как стал он по улицям похаживать,
10 Ай с робятамы–то шуточек он пошучивать.
Только шутки–ты шутит нехорошие:
Коho за руку–та дерне, то рукасы пылечá,
Коho за ногу–та дерне, и нога с колена вон.
Собирались мужики да й новгороцкии:
15 «Ащо ай же ты, Васильева ты матушка,
Ты уйми своё да цадо милоё!
Ты не у́ймишь своего да цадо милово,
Будем унимать да всим Новым–градом.
Мы сведём Васильюшку ко Волхову,
20 Да пúхнем мы Васильюшка в Волхово».
Тут Васильева матушка
Чоботы надернет на босú ногу,
А шубу–то накинёт на одно плечо.
И побежала она тут на улицу,
25 Хватала своё цадо милоё
А нáцала Василья уговаривать:
«Аще жил Буслав да девяносто лет,
Хоть бы жил он да целу тысяцю,
Живуци он не старилса,
30 А на дóстали он переставилсэ.
С Новым–городóм не перецелси,
И со Москвой спору не было».
Тут Василий сын Буславович
Накурил Василий зеленá вина,

- 35 И наварил Василий пива пьяново.
 На бѣлый двор боцки он выкатывал,
 И на боцках подносы поднасывал,
 На вѣдрах подрезы подрезывал:
 «Это весом цара полтора пуда,
- 40 А кто выпьет эту цару зелена вина,
 Тот поди ко мни на поцестен пир».
 Собирались мужики да новгороцкии
 Ко Василию да на поцестен пир.
 Увидали подписи подписаны,
- 45 И увидели подрези подрезаны:
 «А к цѣрту же Василия со чесным пиром!
 Нам не выпить этой цары зелена вина,
 И не вытерпеть вязу цервлено».
 Идѣт–то маленькой Потанюшка,
- 50 На правую ноженьку припáдает,
 На небо он де погáдает.
 Говорят–то мужики да новгороцкия:
 «Не ходи, Потаня, на почестен пир.
 Не выпить тебе цару зеленá винá
- 55 И не вытерпеть тѣбе вязу цервленого».
 Пришол маленькой Потанюшка,
 Хватил он цароцку одной рукой,
 Выпивал он цароцку одним духом.
 Прибежал Василий сын Буславович,
- 60 Ударил–то его вязом–то цервленным —
 Стоит Потаня не стріхнетца,
 Ево желтые кудѣрка не сворóхнетца,
 Говорит Василий сын Бославъевиц:
 «Ай же ты, маленькой Потанюшка,
- 65 Пойди ко мни да во дружинушки».
 И пили с Потаней они дóпьяна,
 И ели с Потаней дóсыти,
 И гуляли с Потаней дóлюби.
 Тут мужики новгороцкия
- 70 Заводили они почесен пир,

Накурили оны зеленá вина́
 И наварили пива пьяново,
 Всех князей–бояр на пир пóзвали,
 А Василия Буславьева не пóзвали.

75 Говорит Василий сын Буславьевиц:
 «Ай же ты, матушка родимая,

20

Спусти сходить да на почесен пир
 Вдвоём с маленьким Потанюшкой».

Говорит Василью ведь и матушка;

80 «Ай же ты, Василий сын Буслаевиц,
 Все гости прёдут на́ пир званья,
 А вы прёдите низванья,
 А низванным гостям в перу места нет».
 — «Ай же ты, матушка родимая,

85 Спусти нас сходить да на почесен пир.
 Куды нас посадят, мы там сидим,
 А что можем достать, то едим да пьём».

И пошли оне на почесен пер.

Приходят оны на почесен пер.

90 Крес кладут по писаному,
 Поклоны ведут по уцёному:
 «Здраствуйте, мужики новгороцкии!».
 — «Здравствуй, Василий сын Буславьевиц!
 Ты садись, Василей, во большом углу».

95 Кормили Васильюшка тут дóсыти
 И поили Васильюшка дóпьяна.
 — «Ай же ты, Василий сын Буславьевиц,
 Побейся с нами во велик заклад,
 Што завтра–та итти да к реки Волховой,

100 Нам–то битыцэ всим Новы–градóm,
 А вам двоима со Потанюшкой».
 Он хмельним умом да пьяным разумом
 Побиуся с нима о велик заклад,
 Что им–то битыца всим Новым–градóm,

105 А Василью двоима со дружиною.
 Приходит Василий со чесна пера,

У Васильюшка головушка повешона.
 Говорит Василию тут матушка:
 «Што у тя головушка повешона?
 110 Верно царой тебя там пообнесли,
 Либо пьяница–собака обесчестила».
 Василий–то матушки ответу не мог подать.
 Говорит–то маленька Потанюшка:

21

«Были вцерась на цесном пирѹ,
 115 И побился Василий о велик заклад:
 Што завтра–то итти к реки Волхову,
 Йим–то битцы всим Новы–градом,
 А нам с Василием Буславьевицом».
 Тут Васильева–то матушка
 120 На миску клала чиста серебрá,
 А на другую клала чиста золота,
 И побежала она да на поцестин пир.
 Крес кладѣт да по писаному,
 Поклон вела по уцѣному:
 125 «Здрастуйте, мужицки де новгороцкия,
 Вот вам дороги подароцки.
 Вы простите–ка Васильюшка во той вины,
 Што побился с вами о велик заклад».
 Говорят мужики новгороцкия:
 130 «Не простим Васильюшка во той вины,
 А сведѣм ли Васильюшку ко Волхову,
 Пихнѣм мы Васильюшка во Волхово,
 Повладеем ево конями–то добрыма
 И всем имением–богацесвом».
 135 Она крес на лице и с теремá долой.
 Ударила чоботом во липину,
 Улетела эта липина во задний тын,
 Все крыльца–перѹльца покосилися.
 Тут ставал поутрушку ранѣшенько
 140 Василий сын Буслаевич,
 Пошел на Волхово помытися.
 Идѣт–то девушка чернавушка,

Говорит Василью Буславьеву:
 «Ай же ты, Василий сын Буславьевиц,
 145 Затым прибили твою дружинушку
 Во чистом полú?».
 Тут Василий сын Буславьевиц
 Шубу накинуд на одно плечо,
 А шляпу–то надвинул на одно ухó,
 150 Хватил он свой цервленой вяз,

22

Побежал он к рики Волховой.
 Идёт–то старцище Ондронцище,
 Его–то крёсной ведь батюшко,
 И на головы несёт Софеин колокол,
 155 Он удариу старцище Ондронцище
 И расколол Софеин колокоу.
 Как пришоу он к реке Волховой,
 Начал Васильюшка поскакивать,
 Своим–то вязом помахивать.
 160 Куды махнёт — па́дут улицмы,
 Отмахнёт — да переулкамы.
 Тут мужики да новгороцкия
 Побежали ко Васильевой матушки:
 Ай же ты, Васильева ты матушка!
 165 Ты уйми своё цадо милое,
 Оставьте вы люди хоть на сэмена».
 Говорит Васильева матушка:
 «Не уйму Васильюшка Буславьева,
 Не простили вы вицор во той вины».
 170 Сама цёботы надернёт на босы ногу,
 Шубу накинёт на одно плецё.
 Прибязала она к рики Волховой
 Ихватила Васильюшку под пазуху,
 Нацала Василья уговаривать:
 175 «Жиу Буслав да девяносто лет,
 Хоть бы жыу Буслав да целу тысяцу,
 Живуцы он не старился,
 На дóсталь он переставилси,

С НовV–градом не перецилсэ,
 180 И с каменной Москвой спору нэ было».
 Тут говорит Василий сын Буславъевиц:
 «Ай же ты, матушка родимая,
 Я вцорась пришоу да не поужинау
 И севодни–то пошоу да не позавтракау,
 185 Дай хоть сэгодня пообедати».
 Ели оны дóсыти, пили дóпьяна.
 Говорит Василий сын Буславъевиц:

23

«Ай же ты, матушка родимая,
 Мы согрешили большое пригрешение,
 190 Спусти нас да в Еросóлим–град
 Ко христову гробу приложитися,
 И ко святом телу помолитися».
 И говорит Василью матушка:
 «Еть можно и дома богу помолитися».
 195 — «Нет, спусти нас в Еросóлим–град».
 И пошли оны в Еросóлим–град
 Двоима со Потанюшкой.
 И пришли на гóру Сионьскую,
 И лежит на гори кось сухоялова,
 200 Они нацали эту кось попиновать.
 Говорит кось голосом челоуецеским:
 «Хоть меня бы, кости, не попинывали,
 Мало ляжит со мной да во товарищах».
 Говорит Василий сын Буславъевиц:
 205 «Ни сама спала — сибѣ сон видела».
 И пришли оны в Еросóлим–град
 И ко христову гробу помолитися,
 Христову телу приложитися
 И в Ердан–рики да окуналисы.
 210 Говорит йим девушка чернавушка:
 «Нахим телом в Ердан–рики не кúпляютца».
 И пошли домой Василий сын Буславъевиц.
 Гди лежала кось да сухоялова,
 Тут лежит сúnь камннь.

215 В одну сторону камень двадцать сажён,
А в другую сторону камень десять сажён.

Говорит Василий сын Буславъевиц:

«Ай же ты, маленькой Потанюшка,

Ну скажи поперёк камні,

220 А я скажу да вдоль камні».

Скачил Василий сын Буславъевиц,

И грудью–то он пал о сѣнь камёнъ.

«Ай же ты, маленькой Потанюшка,

Ты пойдди скажи да моей матушки,

24

225 Пусь поминает меня да добра молодца».

Тут и концился Василий сын Буславъевиц.

25

ПРО СОЛОМАНА

- Ай за славным было за синím морём,
У прекрасного царя Василья у Окульева,
Аще быу да у него да ведь почестей пир
Ай на всех князей и на бóяров,
5 На всех руських могучих богатырей.
Аще красное да солнышко на вечера,
А почестей пир–то быу на весели,
Ащи вси на пиру пьяны–веселы.
З–за того з–за стола да з–за дубового,
10 Ай з–за того пиру да и почесного,
А выходит–та прекрасный царь Василий–то Окулевич.
Ай уж он бьёт князьям целóm да поклоняетце:
«Ай же вы, князи, князи–бóяры,
Аще да й накормлены,
15 Ащи вси да на пиру да вы напояны,
А вси вы на пиру да поженены,
Аще я у вас один да холос–ниженат.
Ай уж вы дайте–ка мне да супротивную,
А чтобы стаником она была со мной равнёшенька,
20 Аще росту была высочешенька,
Аще очи–то были да ясно сокола,
Аще брови у ней чорна соболя,
Ай волосóm желта, да й умом сверста».
А з–за тово стола да дубового,
25 З–за тово перу да почесного
Ай выходит вор Ивашка Поваренин,
А бьёт царю да поклоняётца:
«Аще ай же ты, прекрасный цар ты Васильевич!
Уж я знаю–то тебе да супротивную,
30 Есть за славным да за синím морём,

Аще есть да у царя да у Солóмана
Аще есть царица Солóмания.
Ай она стаником с тобой будё равнёшенька,
Аще росту–то она да высокёшенька,

- 35 Аще очи–то у нѣй ясно сокола,
 Аще брови–то у ней церна соболя,
 Волосом желта да умом свѣрста».
 Аще тут прекрасный царь Василий Окульевич
 А й он ударил–то Ивашко по той стороны,
- 40 Переправил он Ивашку по другой стороны:
 «А уж ты, вор Ивашка ты Поваренин,
 Как можно у жива́ мужа жѣну отнять?».
 А тово Ивашка не пытаючи
 Биѣт целом царю да поклоняетца:
- 45 «Аще ай же ты, прекрасный царь!
 А знаю жива мужа жену отнять.
 Ты сострой–ка мни кораблицки цервленя,
 Ты пороссади там садочки зелѣныя,
 А сделай–ка ты рыбьядую беседушку,
- 50 Посади туды птицушек райскогох,
 Чтобы пели песенки царские.
 А клади–ка туды кроваточки тесовые,
 На кроватоцки периноцки пуховые,
 А клади–ка туды зановесочки крущатой камки́,
- 55 А клади–ка туды питья забидуции,
 Солóманную¹–то шубу соболиную,
 А царице–то комóцеку крущатую.
 А хоть не дорога комóцика крущатая,
 Только дороги узоры–ты заморскийи».
- 60 А тут послухал прекрасный царь Василий
 Окуловиц
 Уж он сделал рыбьядую беседушку,
 Пороссадил там садочки зелѣные,
 А штобы пели там песенки да царския,
 Посадил он туды птичушек да райскогох,
- 65 Аще клал кроваточки тесовые,
 На кроватоцки периночки пуховыя,
 А навлоцицки клал туды ситцевы,
 Зановесоцки–то клал да крущатой камки́.

¹ Для Солóмана.

- Уж он клал питья забидуции,
 70 А Солóману–то шубу соболиною,
 Сорок–то соболей–та со куницею.
 А царице–то комóцеку крущатою.
 А хоть не дорога комоцека крущатая,
 Только дороги узоры–ты заморския.
 75 Скоро скажитца да тихо делатца.
 Полител Ивашка за синé морё
 И приезжал Ивашка за синé морё
 Ко тому ко кру́тому ко бéрежку.
 Он выкидывал подмостоцки дубовыя,
 80 А приходил к Солóману да под окошецко,
 Закрычал своим громким голосом:
 «А што в доме есть да Солóман царь?».
 А Солóмана–то в доме не слуцилоси,
 А слуцилась царица Соломáния.
 85 Она бросилася вся по плец в окно:
 «А ты поди, Ивашка, на высок терём».
 А пришол Ивашка на высок терём».
 А он крес кладёт да по писáному,
 Он поклоны–то ведёт да по уцёному:
 90 «А здраствуй ты, царица Соломания!
 Аще вот ти дороги подароцки,
 А Солóману–то шубу соболиную,
 А тебе комóцику крущатую,
 А поди отсени¹ живот у меня на́ сода́х,²
 95 Чтоб было из цево торговать,
 Аще вам дабы платить пошлину».
 А царице–то подароцки [в] цесть пришли:
 «А торгуй, Ивашка, хоть и год поры,

- А хоть ты торгуй, Ивашка, две поры,
 100 А торгуй, Ивашка, ровно три годú».
 А тут Ивашка не пытается,
 'Ще бьетца целóm, царице поклоняетца:

¹ Оцени.

² На судах.

«По́ди отсе́ни́ живо́т у мене́ на́ содах!».
 Тут ца́рица Со́ломанья
 105 Е́ще мыла́сь она́ все́ белёшенъко,
 Оде́валась хорошехо́нько,
 А пошла́ она́ на суды́ церв́леныя.
 А́й уви́дла она́ сади́ки зелёныя,
 А́й уви́дла пти́чушек райски́их,
 110 Ч́то пою́т–то оны́ песенки́ да ца́рския.
 А́й уви́дла сто́лички дубо́выя,
 Уви́дала тут кра́вато́чки тесо́вые,
 А́ще тут ца́рица сади́ласи,
 А́щи тут ца́рица принапи́лоси,
 115 А́ тут ца́рица о́ввали́лоси.
 А́ще тут Ива́шка Пова́ринен
 Он разде́рнул то́нки бела́ парусо́цики,
 А по́лител Ива́шка з–за́ синя́ моря.
 Се́реди мо́ри ца́рица прохмели́лоси,
 120 Се́реди мо́ри ца́рица прохвати́лоси,
 На́чала ца́рица го́рько пла́кати,
 А́й нача́у Ива́шка угова́ривать:
 «А́ще бо́г снесёт́ за сла́вное за си́не море,
 А́ще выда́ем мы те́бя заму́ж за дру́того,
 125 А́ за прекра́сного ца́ря Васи́лия за Оку́льева».
 Ско́ро скажетца́ да ти́хо деетца́.
 Приезжа́ли–то оны́ за си́не морё.
 А́ сретал прикра́сной ца́рь Васи́лий–то Оку́ловиц,
 А́ сретал ца́рицу Со́ломаньею,
 130 А́щи бра́л её́ за́ руки́ за бела́е,
 Це́ловал он во́ уста саха́рнии.
 А́ сходи́ли–то оны́ да во́ бо́жью церкв́у,
 А́ще при́няли оны́ да зо́лоты венцы́.
 А́ще жи́ли–то оны́ да все́ по тр́и го́ду,
 135 А́ во вели́ком совети́ да во́ любви́.

А́ще тут Со́ломан ца́рь Давы́дьевич
 А́ сбра́л свою́ силу́шку по́ трь го́ду,
 А́ще ко́ней он лю́дей да все́ кры́латых.

- А полител Солóман за синé морё.
 140 А по край моря он силу останóвывал,
 А своей силушки наказывал:
 «Ай же ты, моя сила великая!
 Перьвой раз я затрублю во туриной рог —
 Вы седлайте, вы уздайте вы добрых коней.
 145 А по другой раз я затрублю во турий рог —
 Садитесь вы да на добрых коней.
 А по третий раз я затрублю во турий рог —
 И приезжайте в дáлече в далéче во чистó полё».
 А Солóман царь да Давыдьевич
 150 Пришел он к Василье–ту Окульецу да под окосецко:
 «В доме ль есть прекрасный царь Василий
 Окульевич?».
 А Василия Окульева в доме не слуцилоси,
 А слуцилось–то царица Соломания.
 Ай ена бросилась вся по плец в окно:
 155 «Ты ступай, Солóман, на высóк терем!»
 И пришел Соломан на высóк терем.
 Кормила тут Соломана дóсыти,
 Поила–то Соломана дóпьяна,
 Говорит она да таково слово:
 160 «Ай же ты, Соломан царь Давыдьевич!
 Скоро надо быть Василью–то Окульеву.
 Ты ступай, Соломан, во кован дарéц».¹
 А он хмельным умом да пьяным разумом
 И сел Солóман во кован дарец.
 165 А приходит прикрасной царь Василий
 Окульевич,
 И говорит царица Соломания:
 «Коho боялись мы по трv годú,
 Тот–то у нас да во кован дарцú
 И под моей под..... под бабией.
 170 Есь Соломан хитёр–мудёр,
 Есь у нёго сила великая,

¹ Сундук. — Примеч. исполнителя.

Козни Солóмана наскору́!».

Говорит Солóман царь Давыдьевич:

«Ай же ты, прекрасный царь Василий Окульевич!

175 Не слухай бабы, бабы стра́мницы.
 Кабы она умная была да всё разумная,
 Не пошла бы она на́ суды цервленые
 И не вышла бы замуж за дру́того.
 Ни казни Солóмана по холопьюму,

180 А казни Соломана по царскому,
 Чтобы было слышно по всем землім,
 Что царь царя казнил да во чистóм полі.
 Ты пошли своих верных слуг,
 Пошли во чистó полё,

185 Пусть поставят там столбицки тоцёные,
 Кладут там грядочки орлёныя
 И повесят петелку шелковую,
 Да тут меня да вы зада́вите».

Тут прикрасный царь Василий Окуловиц

190 Послал своих верных слуг:
 «Вы пойдите–подите, слуги, слуги верныя,
 Поставьте столбицки тоцёныя,
 Туды кладите грядочки орлёныя,
 И привяжите тую петелку шелко́бовую».

195 И повели Солóмана во чистó полё.
 Говорит Солóман царь Давидьевич:
 «Ай же ты, прекрасный царь Василий
 Окульевич!
 Перьва–то карéжка¹ сама идёт,
 А другую за собой ведёт,

200 А третью будто цёрт несёт».

Говорит царица Соломания:

«Ай же ты, прекрасной царь Василий Окуловиц!
 Он перву петлю прóйдет хитростью,
 А другу пройдет своей мудросью,

205 Есь Солóман хитёр–мудёр».

¹ Повозка.

- Отпоясала от себя шелков понс
 И привязала петелку шелковую:
 «А в третью он да повеситца».
- Говорит Соломан царь Давыдъевиц:
 210 «Ай же ты, прекрасной царь Василий Окуловиц!
 Я охотник смолода был коров пасти
 И стрелять да гусей–лебедей,
 И дай ты мне при скорыя смерётушки
 Во турий рог потешитьца».
- 215 Как первый раз он затрубил во турий рог —
 У морі пошел шум велик.
 Говорит прекрасный царь Василий Окульевиц:
 «Что это у моря шум велик?».
- «Вси птицы–звери срадовались
- 220 И вси летя на царскую смерётушку,
 А я охотник был стреляти да гусей–лебедей».
- Как во дрúгой раз он затрубил во турий рог —
 Аще больше пошел у моря шум велик,
 А как третий раз он затрубил во турий рог —
- 225 Налетела силушка великая.
 В перву петелку клали прекрасново царя Василия
 Окуловица,
 А в другую петелку Ивашку Поваринова.
 Тут царица и заплакала:
 «Ахти мне да я погинула!
- 230 Ты прости, Соломан–то, меня во той вины».
- Говорит Соломан царь Давыдовиц:
 «Во первóй вины тебя боh простит,
 Что пошла ты на суды цервленья.
 И в другой тебя вины боh простит,
- 235 Что вышла замуж ты за дрúгого.
 А в третьей вины не могу простить,
 Что отпоясала от себя шелков понс
- И наладила петелку шелковую».
- И в третью петелку повесили царицу Соломанову.
- 240 Тут Солóман царь Давидъевиц

Сберал свою силушку великую
И полетел за славно за синé морé.

Тут всё прикончили — и царя и царицу. Ну и всё.